

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 811.161.1'373:398.9+811.161.1'367.626

ГОМОНОВА

Инна Геннадьевна

**СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА РУССКИХ ПАРЕМИЙ
С МЕСТОИМЕННЫМ ПОСЕССИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ**

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.02 – русский язык

Минск, 2013

Работа выполнена в учреждении образования
«Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»

Научный руководитель **Коваль Владимир Иванович**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»

Официальные оппоненты **Гируцкий Анатолий Антонович**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания УО «Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка»

Иванов Евгений Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского, общего и славянского языкознания УО «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова»

Оппонирующая организация УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

Защита состоится «22» февраля 2013 г. в 14.00 часов на заседании совета по защите диссертаций Д 02.01.11 при Белорусском государственном университете по адресу: 220030, г. Минск, ул. К. Маркса, 31, ауд. 62; телефон ученого секретаря: 209-55-58.

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке Белорусского государственного университета

Автореферат разослан «21» января 2013 г.

Ученый секретарь
совета по защите диссертаций

С.Н. Запрудский

ВВЕДЕНИЕ

Активизация интереса к паремиям является одной из доминирующих черт современной лингвистики, для которой характерно обращение к человеческому фактору в языке, постановка и решение таких проблем, как воздействие языка на практическое поведение и мышление человека, взаимоотношение языка и общества, взаимосвязь языка и духовной культуры народа, народного менталитета и творчества и т.п. Круг связанных с изучением паремий проблем, находящихся в сфере неослабевающего научного интереса, можно очертить следующим образом: природа паремиологических единиц, особенности их структурно-семантической и логико-семиотической организации, типология паремий, вариантность как свойство их формы. Современный этап исследований характеризуется изучением паремий в свете проблематики когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Неуклонно возрастает интерес ученых к коммуникативно-прагматическому аспекту функционирования паремиологических единиц, употреблению паремий в текстах разных стилей и жанров. В то же время, несмотря на все возрастающий интерес лингвистов к паремиям, ряд проблем, связанных с природой, семантическими, структурными и функциональными особенностями пословиц и поговорок, остается по-прежнему нерешенным.

Актуальность данного исследования определяется принадлежностью к парадигме современных направлений изучения паремиологических единиц; отсутствием исследований функционально-семантического и коммуникативно-прагматического своеобразия русских паремий с местоименным посессивным компонентом (МПК), составляющих обширный фрагмент паремиологического пространства; нерешенностью вопроса о роли местоимений-посессивов в формировании семантики русских паремий; необходимостью выявления семантических моделей, характерных для паремий с МПК и продуктивных в русском паремиологическом пространстве; необходимостью определения прагматического потенциала паремиологических единиц, объединенных общностью компонента; нерешенностью вопроса о специфике репрезентации паремиями с местоимениями-посессивами оппозиции «свое – чужое». Обращение к паремиям с притяжательными местоимениями (ПМ) вносит вклад в исследование категории посессивности, принадлежащей к числу лингвистических понятий, изучение которых способствует характеристике языкового сознания социума и позволяет полнее представить языковую картину мира носителей языка.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с крупными научными программами и темами

Диссертационное исследование выполнено на кафедре русского, общего и славянского языкознания УО «ГГУ им. Ф. Скорины» в рамках научно-исследовательских тем «Аксиологически значимая лексика в языковой картине мира русских и белорусов» (2006–2010 гг.; № госрегистрации 20061045) и «Лексико-фразеологический фонд русского языка в синхронии и диахронии» (2011–2015 гг.) и соответствует приоритетным направлениям научных исследований лексико-фразеологических языковых единиц.

Цель и задачи исследования

Цель исследования – выявить функционально-семантические и коммуникативно-прагматические особенности русских паремий с местоименным посессивным компонентом и определить роль местоимений-посессивов в формировании семантической структуры и детерминировании прагматической направленности паремий. Достижение поставленной цели предусматривает решение следующих задач:

- 1) определить объем и границы фрагмента русского паремиологического пространства, формируемого паремиями с местоименным посессивным компонентом;
- 2) охарактеризовать семантические свойства местоимений-посессивов, обуславливающие функциональное предназначение и активность употребления данных местоименных слов в паремиологических единицах; определить степень детерминированности значения паремии составом МПК;
- 3) выявить функционально-прагматические типы паремий, в формировании которых принимают участие МПК; установить роль местоимений-посессивов в функциональной специализации паремий;
- 4) определить типичные для данного фрагмента паремиологического пространства структурно-семантические модели паремий, обусловленные наличием местоименного посессивного компонента;
- 5) охарактеризовать МПК как средство выражения в паремиях посессивных признаков *свое* и *чужое*; выявить функционально-семантическое своеобразие паремиологических единиц, имеющих оппозитивный характер.

Объектом исследования являются паремиологические единицы русского языка, включающие в себя местоименный посессивный компонент. **Предмет** исследования – функционально-семантическая и коммуникативно-прагматическая специфика паремий, объединенных общностью паремийного компонента. **Материал** исследования состоит из 3100 русских паремий с МПК, извлеченных путем сплошной выборки из 38 паремиологических словарей. Источниками контекстов употребления паремий являются толковые

паремиологические словари и материалы электронного ресурса «Национальный корпус русского языка».

Положения, выносимые на защиту

1. Совокупность паремиологических единиц с местоименным посессивным компонентом представляет собой фрагмент русского провербиального пространства, который характеризуется закономерностями структурно-семантической организации и функциональной специализации паремий. Наличие МПК как общего паремийного компонента и детерминированные этой общностью разнообразные связи между паремиологическими единицами являются основным условием формирования данного фрагмента провербиального пространства. Закономерности структурно-семантической организации паремий с местоимениями-посессивами заключаются в существовании типичных структурно-семантических моделей, в которых проявляется семантическая специфика местоименных слов. Функциональная специализация паремиологических единиц с МПК состоит в том, что прагматический потенциал данных паремий характеризуется определенным набором типичных функций, детерминированных составом местоименного посессивного компонента.

2. Местоимения-посессивы в паремиях являются основным средством выражения посессивных отношений, что обусловлено универсальностью ПМ, отсутствием их привязанности к определенному референту. Притяжательные местоимения играют важную роль в репрезентации соотношения «посессор – адресант паремии – адресат паремии», служат средством (во многих случаях единственным) оформления разных вариантов данного соотношения. Интенциональное значение паремии, содержащей МПК, обнаруживает связь с характером посессивных отношений, определяемых тем, кто выступает в качестве субъекта-посессора. На фоне разнообразия валентностных связей притяжательных местоимений наблюдается тяготение посессивов к сочетаемости с существительными определенных тематических групп (с номинациями частей тела человека; материальных объектов, представляющих сферу быта; лиц, связанных с посессором разного рода межличностными отношениями; физиологических, психических и интеллектуальных характеристик человека). Основное назначение местоименных посессивных компонентов в паремиях заключается в образной конкретизации представлений о ценностных объектах.

3. К числу функций, типичных для паремий с МПК, относятся сетование, осуждение, оправдание (самооправдание), угроза, предупреждение, урезонивание, унижение, одобрение, выражение позитивного ожидания. Кроме общих факторов реализации паремиями своего функционального предназначения (прежде всего, ориентации высказывания на собеседника или на самого говорящего), существует также детерминированность функциональной специализации паремий составом местоименного посессивного компонента.

Для паремий с лично-притяжательными местоимениями 1 лица и паремий с возвратно-притяжательным местоимением, ориентированных преимущественно на сферу своего, характерен одинаковый набор функций с преобладанием функции сетования у первых и функции одобрения у вторых. Для паремий с лично-притяжательными местоимениями 2 лица, ориентированных на сферу чужого, характерны функции урезонивания, уничижения, угрозы. Для паремий с посессивом *чей* наиболее типичной является констатирующая функция. Функциональная специализация паремиологических единиц с МПК не противоречит их полифункциональности.

4. Для фрагмента паремиологического пространства, формируемого паремиями с МПК, характерны типичные структурно-семантические модели организации данных паремий. Это модели со значением дистрибутивной посессивности (дистрибутивное посессивное значение реализуется в паремиях посессивными компонентами с возвратно-притяжательным местоимением *свой*); модели со значением релятивной посессивности (релятивное посессивное значение выражается в паремиологических единицах преимущественно посессивными компонентами с лично-притяжательным местоимением *наш*); модели, в которых реализуется оппозиция «свое – чужое».

5. В паремиях, репрезентирующих оппозицию «свое – чужое», представлены разные варианты соотнесенности местоименных посессивных компонентов. Различными являются также объекты категоризации *свое / чужое* в паремийнике (эмоционально-духовный мир человека, человек в аспекте межличностных отношений, материальные предметы, время и др.) и мотивы реализации дихотомии. Мотив обращения к оппозиции во многом определяет структурно-семантическую организацию паремии: рассмотрение своего и чужого в аксиологическом плане и выражение предпочтения одной из этих посессивных характеристик реализуются в компаративных структурах и сложных предложениях с противительно-сопоставительными отношениями; установление отношений обусловленности своего и чужого – в сложных предложениях с причинно-следственными и условно-следственными отношениями; характеристика чужого через свое и своего через чужое – в паремиях со значением мнимого тождества.

Личный вклад соискателя

Диссертация является полностью самостоятельным исследованием, выполненным на основе языкового материала, собранного автором.

Апробация результатов исследования

Результаты исследования обсуждались на международных и республиканских научных конференциях: I Международная научная конференция «Праблемы ўсходнеславянскай этналінгвістыкі» (Минск, 25-26 апреля 2003 г.); III Международная научная конференция «Славянская фразеология в

ареальном, историческом и этнокультурном аспектах» (Гомель, 7-8 октября 2003 г.); Международная научная конференция «Рэгіянальныя асаблівасці фальклору і літаратуры славянскіх народаў» (Гомель, 23-24 апреля 2004 г.); Международная научная конференция «Русский язык: система и функционирование» (Минск, 18-19 мая 2004 г.); Республиканская научно-практическая конференция «Тураўскія чытанні» (Гомель, 4 верасня 2004 г.); IV Международная научная конференция «Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах» (Гомель, 5-6 октября 2005 г.); III Международная научная конференция «Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин» (Мозырь, 12-13 мая 2005 г.); Международная научная конференция «Русский язык: система и функционирование» (Минск, 6-7 апреля 2006 г.); Международная научная конференция «Сучасны стан і дынаміка норм беларускай літаратурнай мовы» (Минск, 24-25 октября 2006 г.); Международная научная конференция «VIII Міжнародныя навуковыя чытанні, прысвечаныя Сцяпану Некрашэвічу» (Гомель, 2007); XXXVI Международная филологическая конференция «Фразеология в тексте и словаре» (С.-Петербург, 12-17 марта 2007 г.); V Международная научная конференция «Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах» (Гомель, 22-23 октября 2007 г.); Международная научная конференция «Компьютерная лингвистика: научное направление и учебная дисциплина» (Гомель, октябрь 2010 г.); Международная научная конференция «Славянская фразеология в синхронии и диахронии» (Гомель, октябрь 2011 г.).

Опубликованность результатов диссертации

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в 24 публикациях: 4 статьях в рецензируемых периодических изданиях (1,5 авт. л.); 9 статьях в сборниках научных трудов (2,6 авт. л.); 11 публикациях в сборниках материалов научных конференций (2,2 авт. л.). Общий объем опубликованных работ составляет 6,3 авторского листа.

Структура и объем диссертации

Диссертация состоит из введения, общей характеристики работы, пяти глав с выводами, заключения, библиографического списка, включающего список использованных источников (243 наименования) и список публикаций соискателя (24 наименования), а также пяти приложений. Общий объем диссертации – 184 страницы (основной текст – 115 страниц, библиографический список – 20 страниц, приложения – 49 страниц).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава «Основные теоретические предпосылки исследования» состоит из двух разделов.

В разделе 1.1 «Функционально-прагматическое и семантическое своеобразие паремиологических единиц» рассматривается лингвистический статус паремий, их сущностные признаки, характеризуется функционально-прагматическая значимость русской паремии, определяются функции, типичные для анализируемого фрагмента паремиологического пространства.

Лингвистический этап в истории изучения русских паремий характеризуется осознанием их как особых единиц языка, отличных от других воспроизводимых выражений и обладающих специфическими признаками формы и содержания. Паремиологические единицы (ПЕ) сочетают в себе признаки языковых и речевых знаков при преобладании первых. Доказательством принадлежности паремий к числу языковых знаков служат устойчивость их семантики, воспроизводимость в речи, а также обнаруживаемая в них номинативность. Как единица языка паремия обладает структурно-семантической целостностью; как единица речи – характеризуется функционально-прагматическим потенциалом, который раскрывается в конкретных реализациях пословицы.

Критерии отбора паремиологического материала в данном исследовании определяются с учетом опыта изучения паремиологических единиц и существующих подходов. Паремии характеризуются как логически законченные анонимные высказывания, устойчивые в языке и воспроизводимые в речи, по структуре представляющие собой простое или сложное предложение, имеющие одновременно буквальный и переносный план (или только переносный / или только буквальный), обозначающие ситуацию, выражающие назидание или философское обобщение и характеризующиеся особой ритмической и фонетической организацией. Совокупность паремий определенного языка составляет паремиологический фонд этого языка.

В сознании носителя языка паремиологический фонд существует как провербиальное пространство (термин Ю.И. Левина) – упорядоченная совокупность паремий, связанных многообразными парадигматическими отношениями, среда (по определению Е.И. Селиверстовой), в которой формируются и функционируют паремии и которая ими же и создается. Паремиологическое пространство многомерно, поскольку пословицы близки друг другу в разных отношениях, по разным параметрам.

В данном исследовании паремии рассматриваются как единицы паремиологического пространства, связанные разнообразными отношениями и обнаруживающие общность паремийного компонента. К типичным для русского паремийника компонентам, участвующим в организации значительного фрагмента провербиального пространства, относятся местоименные посессивные компоненты, представляющие собой субстантивные сочетания с притяжательным местоимением в грамматически зависимой позиции или

посессивы-субстантиваты. Исследование паремий в среде, формируемой единицами, объединенными общностью паремийного компонента, позволяет увидеть закономерности, характерные для данной среды, семантическое и функционально-прагматическое своеобразие относящихся к ней ПЕ.

Семантический и прагматический аспекты паремий тесно связаны. Пословицы и поговорки приняли стандартизованную форму в силу специфического соединения этих аспектов. Паремиологические единицы являются специализированными формами выражения определенных прагматических установок, и анализ семантики паремий должен проводиться с учетом этой особенности.

Местоимения-посессивы, выступая в качестве компонента паремии, участвуют в формировании ее прагматической направленности. Функциональная специализация паремий с МПК заключается в выражении следующих основных речевых установок: сетование, осуждение, оправдание (самооправдание), угроза, предупреждение, урезонивание, уничтожение, одобрение (самоодобрение), позитивное ожидание. Распределение паремий по определенным функционально-прагматическим типам не противоречит их полифункциональности.

В разделе 1.2 **«Посессивные отношения и средства их выражения в системе языка и в паремиях. Местоимения-посессивы»** характеризуется сущность категории посессивности, приводится классификация посессивных отношений, представленных в русском паремийнике, определяется состав местоимений-посессивов в паремиологических единицах.

Посессивность трактуется как универсальная понятийная категория, формирующая языковую картину мира, как особый тип ментальных образований, отражающий реально существующие связи между субъектами и объектами окружающего мира (М.В. Милованова). Сущность классификаций посессивных отношений может зависеть как от подхода к категории посессивности (широкого или узкого), так и от значения компонентов данных отношений (посессора и объекта): наличия признаков одушевленности – неодушевленности, единичности – множественности, конкретности – абстрактности, от степени неотторжимости объекта от посессора. В паремиологических единицах, представляющих исследуемый фрагмент proverbialного пространства, наблюдаются: 1) *собственно посессивные отношения* (обладание в сфере имущественных отношений и физиологических категорий) и 2) *несобственно посессивные отношения*, представленные в паремийнике а) *релятивно-посессивными* (обладание в сфере межличностных отношений); б) *кваликативно-посессивными* (обладание в сфере ментальных категорий) и в) *субъектно-посессивными* отношениями.

В русских паремиях, в силу их специфической структурно-семантической, а также ритмико-интонационной организации, основным

средством реализации широкого круга посессивных отношений являются местоименные слова (чаще в составе атрибутивного сочетания, реже в качестве субстантиватов). Местоименные посессивные сочетания и посессивы-субстантиваты в данном исследовании обозначаются термином *местоименный посессивный компонент*.

Значение МПК зависит от взаимодействия имени, к которому относится посессив, и контекста, причем в разных по семантике посессивных компонентах тот или иной аспект выходит на первый план. В семантике посессивных компонентов отражаются двойные семантические связи ПМ.

В паремиологических единицах русского языка представлены преимущественно лично-притяжательные местоимения (ЛПМ) 1 и 2 лица *мой, наш, твой, ваш*; возвратно-притяжательное местоимение (ВПМ) *свой* и относительно-притяжательное местоимение *чей*. В составе паремийных МПК притяжательные местоимения характеризуются различными приращениями смысла, активно подвергаются переосмыслению (выступают в переносном значении либо совмещают два плана – прямой и переносный).

Исследование паремиологических единиц с местоименным посессивным компонентом способствует решению как ряда общих вопросов семантики и прагматики паремий, так и частных вопросов, связанных с функциями местоименных слов.

Вторая глава «Паремии с лично-притяжательными местоимениями», состоящая из трех разделов, посвящена описанию семантических особенностей и определению функциональной специализации паремиологических единиц с ЛПМ *мой / наш* и *твой / ваш*.

В разделе 2.1 «**Функционально-прагматические типы паремий с ЛПМ *мой / наш***» определяются функции, типичные для паремиологических единиц с лично-притяжательными местоимениями 1 лица, и характеризуются семантические особенности данных паремий.

Посессивы в паремиологических единицах относятся к обобщенному антецеденту, однако степень обобщенности у отдельных ПМ является разной. Лично-притяжательные местоимения, входящие в состав анализируемых в данном разделе паремий, также различаются характером соотносительности с антецедентом. ЛПМ *мой* традиционно связано с обозначением личной принадлежности. Данная посессивная форма сама обобщенного значения не получает, оно возникает вследствие того, что паремиологическая единица в целом характеризуется достаточно высокой степенью обобщенности. ЛПМ *наш* характеризуется более широким семантическим потенциалом, чем местоимение *мой*. МПК с посессивом *наш* употребляются в русских паремиях для обозначения и коллективной, и индивидуальной принадлежности / свойственности. Вследствие присущего данному местоимению значения

множественности, оно в большей степени, чем ПМ *мой*, предназначено для передачи обобщенного смысла и поэтому более распространено в паремийнике.

Многие условия функционирования посессивов *мой* и *наш* в русских паремиях совпадают. Данные местоимения используются в ПЕ одинаковой прагматической направленности, употребляются в составе МПК с одинаковыми типами посессивных отношений, нередко представляют варианты заполнения позиции посессива одной паремиологической единицы. Для паремий с ЛПМ 1 лица характерны интенции сетования, осуждения, оправдания (самооправдания), угрозы, предупреждения, одобрения (самоодобрения), позитивного ожидания.

Среди паремий с ЛПМ *мой* / *наш* более широко, чем в других группах ПЕ с местоименным посессивным компонентом, представлены единицы, в которых выражаются сетования субъекта-посессора. В ПЕ данного функционально-прагматического типа отношение к своему выражается с позиции посессора, с участием ПМ в них оформляется соотношение «субъект-посессор – адресант паремии», которые в данном случае совпадают в одном лице: *Мое счастье разбежалось по сучкам, по веточкам; Мой талант пошел по рукам; Наше счастье – решето дырявое; К нашему берегу не пристанет хорошее дерево*. Сетование как речевое действие служит для выражения внутреннего состояния субъекта, редко выступает в самостоятельном виде, обычно сопровождает какой-либо другой вид коммуникации, как правило, конфликтный диалог.

Полифункциональный характер имеют паремии с ЛПМ 1 лица, для которых первичной функцией является выражение осуждения: *Моя хата с краю, ничего не знаю; Наше дело телячье; Язык мой – враг мой* и др. В случае совпадения субъекта-посессора и адресанта паремии в одном лице данные ПЕ служат для выражения интенции оправдания.

Паремии-угрозы и паремии-предупреждения с ПМ *мой* / *наш* имеют характер негативного речевого воздействия, субъект которого всегда совпадает с субъектом-посессором: *Станешь ты по моей дудке плясать; Ноги моей больше у тебя не будет; От наших ворот живет и поворот*. Данные ПЕ относятся к регулятивам, используются с целью прямого или косвенного регулирования поведения собеседника. В них выражается негативно окрашенное отношение говорящего (и одновременно посессора) к адресату паремии.

Паремии позитивного ожидания организуются с ориентацией на коррекцию картины мира в оптимистичном плане: *Будет и на нашей улице праздник; И в мое оконце засветит солнце; Придет время – будет и наша пора*. Контекстуальный анализ ПЕ данного функционально-прагматического типа выявляет их полифункциональность: будучи адресованными собеседнику, паремии могут служить для выражения угрозы.

Особенностью выполнения паремиями с ЛПМ *мой* / *наш* функции одобрения является то, что в большинстве случаев позитивное отношение

к объекту посессивности сопровождается в них каким-либо девальвирующим признаком: *Худ мой Устим, да лучше с ним; И наша копеечка не щербата*. Интенция одобрения, позитивное отношение к своему, обозначение преимущества своего (особенно в чистом виде) паремиями, в которых посессивные отношения выражены с помощью ЛПМ *мой / наши*, передаются редко. Это входит в противоречие с ориентацией данных паремий на сферу своего, оцениваемую, как правило, положительно.

В разделе 2.2 «Функционально-прагматические типы паремий с ЛПМ *твой / ваши*» характеризуются семантические особенности и функциональная специализация паремиологических единиц с лично-притяжательными местоимениями 2 лица.

ЛПМ *твой / ваши* используются в паремиях, которые адресованы непосредственно собеседнику либо (реже) представляют собой имитацию такого обращения. В связи с тем, что посессивы *твой / ваши* являются средством обозначения сферы чужого (и, соответственно, нередко враждебного для говорящего или, по крайней мере, безразличного ему), паремии с этими ЛПМ в большинстве случаев связаны с выражением негативно окрашенного отношения к адресату речи. Среди ПЕ с местоимениями *твой / ваши* отсутствуют паремии-сетования, так как эта функция практически всегда автореферентна, а паремии с ЛПМ 2 лица употребляются в интерактивной ситуации. В отличие от паремий с другими МПК для данных единиц характерна функция уничижения. В таких паремиологических единицах выражается негативное отношение к моральным и интеллектуальным качествам адресата, особенностям его поведения (в том числе речевого) и эмоционально-психологического состояния; физическим (внешним) качествам адресата; лицам, связанным с ним теми или иными межличностными отношениями: *С твоей бы рожей сидел бы под рогожей; С вашим умишком – и этого слишком*.

Негативное интеллектуально-речевое воздействие на адресата речи оказывают паремии-угрозы и паремии-урезонивания: *За три версты буду обходить твой дом; Твое дело телячье: поел да и в хлев*. Посессивы *твой / ваши* в таких ПЕ служат для обозначения правого члена оппозиции *свое – чужое*, традиционно коррелирующего с негативным (пренебрежительным, настороженным, враждебным и т.п.) отношением к адресату.

В разделе 2.3 «Функционально-семантические особенности паремий с посессивным компонентом “*наш + имя лица*”» анализируются многочисленные паремиологические единицы с МПК, значением которого являются релятивно-посессивные (межличностные) отношения. Типичным для русского паремийника посессивом в составе таких МПК является местоимение *наш*.

В паремиях с МПК «*наш* + имя лица» выражаются межличностные отношения разного рода (между индивидом и индивидом, индивидом и группой, группой и индивидом) с различным конкретным наполнением (родственные, дружеские, соседские, иерархические и др.). Характер отношений определяется значением существительного в составе МПК (имена, обозначающие родственную принадлежность, характеризующие лицо по профессии, роду занятий, по возрасту, половой принадлежности и др.). С посессивом *наш* в паремийнике активно сочетаются личные имена собственные. Антропоним в паремийных МПК является сложным языковым знаком, зачастую представляющим собой «антропонимическую формулу», сочетающую дейктическую, социально-информативную и культурно-информативную функции: *Нашему Иванушке кругом камушки; У нашего Тита и пито, и бито; Наша Дуня грязна, как гуня.*

ЛПМ *наш* в составе МПК релятивно-посессивного типа может указывать на субъекта-посессора, представленного более или менее широкой группой лиц, разными социальными коллективами, объединениями. Притяжательные местоимения в таких конструкциях утрачивают значение собственно принадлежности и служат, как правило, для выражения отношений «социальной посессивности»: указывают на родственную, дружескую, любовную связь персонажа паремии с субъектом-посессором, на их национальную, территориальную, «профессиональную» общность и др. Функционально-семантический потенциал ЛПМ *наш* в сочетаниях с именами лиц настолько широк, что это местоименное слово может, во-первых, указывать на разного рода функциональное целое типа 'я и другие', 'мы и другие'; во-вторых, совместно с существительным-релятом при обращении (непосредственном или опосредованном) к другому лицу передавать значение 'ты / вы'. Наконец, сливаясь в содержательном отношении с именем лица, выражать значение 'он (она, они)'. В двух последних случаях ПМ в большей мере утрачивает посессивное значение, даже в некоторой степени десемантизируется, однако обязательно имеет эмоционально-экспрессивную окрашенность, причем в большинстве случаев пейоративного типа.

Участок паремиологического пространства, представленный паремиями с МПК «*наш* + имя лица», характеризуется наличием типичных форм выражения (моделей) местоименного посессивного компонента: 1) *наш* + сущ. в И. п. (наиболее активно представлена): *Наш пострел везде поспел; Наш Андрей никому не злодей; Наша Варвара не любит ухи без навару*; 2) *наш* + сущ. в Род. п. с предлогом *у*: *У нашего командира ни шляпы, ни мундира; У наших зятей много затей; У нашего Филата спина горбата*; 3) *наш* + сущ. в Д. п. без предлога: *Нашему Ивану нигде нет талану; Нашему Петру скотина не ко двору*; 4) *наш* + сущ. в В. п. / Р. п. без предлога: *Нашего непоседа ни дома,*

ни у соседа; Нашего Мины не проймешь и в три дубины.

Моделируемость МПК «*наш* + имя лица» и его функционально-семантическая специфика создают своеобразие совокупности паремий, включающих такой компонент.

Третья глава «Паремии с возвратно-притяжательным местоимением», состоящая из двух разделов, посвящена выявлению функционально-семантических и коммуникативно-прагматических особенностей паремиологических единиц с посессивом *свой*. Отсутствие соотнесенности значения ВПМ *свой* с субъектом-посессором определенного лица, а также обобщенный характер языковых средств в паремиях определяют возможность использования данного местоимения в ПЕ, содержание которых соотносится с субъектом любого лица. Такая «универсальность» ВПМ и наличие в его семантической структуре непритяжательных (качественных) значений объясняет широкое употребление данного посессива в паремиологических единицах (57,8 % от общего количества случаев употребления ПМ в паремиях).

В разделе 3.1 «**Функционально-прагматические типы паремий с ВПМ**» характеризуется прагматический потенциал ПЕ с местоимением *свой*, определяется их функциональная специализация. Среди паремиологических единиц с ПМ *свой* представлены те же функционально-прагматические типы, которые были исчислены при описании паремий с ЛПМ. Однако в реализации данных функций паремиями с возвратно-притяжательным местоимением, несомненно, наблюдается специфика.

В анализируемом материале преобладают ПЕ с посессивом *свой*, в которых выражается позитивно окрашенное отношение к своему. Положительно-оценочные паремии с ВПМ представлены большим количеством паремиологических единиц, для которых характерна интенсификация (иногда даже гиперболизация) выражаемого в них отношения, осуществляемая разными способами. Одним из таких способов является выражение в них девальвирующего признака, который не только не уменьшает ценности *своего*, но и подчеркивает его значимость для субъекта-посессора. Признак «свой» выступает в этих паремиях как «компенсирующий худо» (Н.Д. Арутюнова): *Свое дитя и горбато мило; Хоть плохонькое, да свое; Хоть грош, да свой; Свое мило, хоть и гнило*. В паремиологических единицах с ПМ *свой* представлены также другие средства интенсификации позитивной оценки своего (усилительная частица *и*; формы степеней сравнения положительно-оценочных прилагательных и метафорически переосмысленные существительные в предикативной функции; местоименные слова с обобщающим значением и др.): *В своем доме и стены помогают; Свой уголок всего краше; Своя хатка – родная матка; За свой грош везде хорош*.

Разнообразием в паремиях с ВПМ характеризуется объект принадлежности / свойственности, являющийся центральным образом положительно-оценочных ПЕ. В паремиях, выражающих интенцию одобрения своего, активно представлен метафорический способ оформления субъекта. Причем, прежде всего, анималистический перенос, для реализации которого в паремиологических единицах используются разнообразные номинации животных (в большинстве случаев значимых для человека в бытовом и / или этнокультурном отношении): *На своей улочке и курочка храбра; В своем гнезде и ворона коршуна глаза выклюнет; И мышь в свою норку тащит корку*. Реже с этой целью используются переносы типа «человек – растение» и «человек – предмет»: *Далеко сосна стоит, а своему лесу веет; И полынь на своем корню растет; В своем дворе и щепка бьет*.

Паремии с ВПМ, отражающие оптимистичный взгляд субъекта-посессора на свое будущее, немногочисленны. ПЕ с местоимением *свой* данного функционально-прагматического типа требуют дополнительного (помимо посессива) указания на субъект и составляют периферию паремиологических единиц с ПМ, выражающих интенцию позитивного ожидания: *Проведу и я свою борозду; Доведется и нам свою песенку спеть*.

Небольшим количеством представлены в паремийнике и отрицательно-оценочные ПЕ с местоимением *свой* (сетования, осуждения, угрозы). В то же время паремии-угрозы с ВПМ характеризуются интенсивностью выражаемого негативного речевого воздействия на адресата: *Ты у меня кровью своей умоешься; Запоешь ты не своим голосом; И костей своих не соберешь*.

Паремиологические единицы с ПМ *свой*, содержанием которых является осуждение различных человеческих недостатков (*Своя рубашка ближе к телу; Ленивый и в своей избе намокнет*), служат для выражения оправдания в тех случаях, когда субъект-посессор совпадает с адресатом паремии.

В разделе 3.2 «Функционально-семантические особенности паремий с дистрибутивом *свой*» анализируются широко представленные в русском паремийнике паремиологические единицы с ВПМ в дистрибутивном значении. Выражение значения дистрибутивной посессивности является одной из основных функций местоимения *свой* в паремиях. ПЕ с посессивом *свой* в дистрибутивной функции имеют общее значение «Всякий объект определенного класса характеризуется (обладает) индивидуальным, свойственным только ему признаком». Для паремий с дистрибутивом *свой* характерны типичные структурно-семантические модели, основанные на соотносительности форм местоименных компонентов. К наиболее распространенным моделям относятся следующие: «*всякий (каждый) / весь + [сущ.] в Д.п.*» + «*свой + [сущ.] в И.п.*» (*Всему свое время; Каждому свой жребий; Всякому зерну своя борозда*); «*у + всякий (каждый) / весь + [сущ.] в*

Р.п.» + «свой + сущ. в И.п.» (*У каждого своя доля; У всякой собаки своя кличка; У всякой пичужки свой голосок*); «в (на) + всякий (каждый) / весь + сущ. в П.п.» + «свой + сущ. в И.п.» (*В каждой избушке свои погремушки; В каждой деревне свои порядки*); «всякий (каждый) / весь + [сущ.] в И.п.» – «на (в) + свой + сущ. в В.п.» (*Всякий мастер на свой лад; Всякий портной на свой покрой; Всяк старец в свой ставец*). Модели, по которым организуются паремии с дистрибутивом *свой*, характеризуются высокой степенью продуктивности. Паремии с ВПМ в дистрибутивной функции представляют собой один из тех участков паремиологической системы, который является «излюбленным» для ее коллективного автора. Данные паремии находятся в отношениях синонимии, квазисинонимии и вариантности: *Всяк свое хвалит – Всякий свой товар хвалит, Всякий купец свой товар хвалит, Всякий цыган свою кобылу хвалит, Всякий боярин свою милость хвалит, Всякая старина свою плешь хвалит, Всяк кулик свое болото хвалит, Всякая лиса свой хвост хвалит* и др.; *Во всякой избушке свои поскрыпушки (покляпушки, погремушки); У всякой старухи (старушки) свои прорухи (прорушки)*.

Отличительной чертой большинства паремий с дистрибутивным *свой* является их гетероситуативность, когда одна и та же паремиологическая единица применяется к разным субъектам или к разным сферам действительности.

В четвертой главе «**Паремии с местоимением-посессивом *чей***», включающей два раздела, выявляется семантическое и функционально-прагматическое своеобразие паремиологических единиц с ПМ *чей*.

Местоимение *чей* рассматривается как доминантное в ряду местоимений-посессивов, так как в его семантической структуре посессивный компонент значения представлен в наиболее чистом виде. ПМ *чей* способно принять участие в заполнении разных сегментов посессивного значения, и, напротив, позицию местоимения *чей* в паремиологических единицах могут замещать другие посессивы.

Паремии с местоимением *чей* характеризуются структурно-семантическим своеобразием, обусловленным синкретизмом значения ПМ. В русских паремиях посессив *чей* используется в относительно-притяжательном и неопределенно-притяжательном значении.

Неопределенно-притяжательное значение посессива *чей* в паремиологических единицах совмещается со значением обобщенной принадлежности («*чье* угодно, все равно *чье*») и представлено в сложных предложениях-паремиях, имеющих оппозитивный характер: *Чьи грехи закрыты, а наши все наружу; Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала; Чья жена хороша, а мне своя мила*.

Большинство случаев употребления местоимения *чей* в паремиях связано с организацией коррелятивной связи в сложноподчиненных предложениях. Для

паремий с посессивом *чей* в относительно-притяжательном значении типичными являются констатирующая функция, а также функции осуждения и оправдания.

В **разделе 4.1 «Паремии-констативы»** характеризуются паремиологические единицы, основной функцией которых является сообщение об обусловленности одной посессивной ситуации другой. По структуре такие паремии представляют собой сложные двучленные единства, части в составе которых являются безглагольными конструкциями, содержащими коррелятивную пару *чей – тот*: *Чей двор, того и хоромы; Чья земля, того и хлеб; Чей берег, того и рыба.*

В **разделе 4.2 «Паремии-осуждения / оправдания»** характеризуются паремиологические единицы, прагматическая направленность которых заключается в выражении негативно окрашенного отношения к ситуации зависимости одного субъекта от другого или к человеку, для которого подобное положение вещей является нормой: *Чье кушаю, того и слушаю; Чей хлеб ешь, того и песенку поешь; По чьей воде плыть, того и волю творить.* Паремии данного типа полифункциональны, они могут использоваться и для выражения интенции самооправдания.

В **пятой главе «Паремии с местоимениями-посессивами, репрезентирующие оппозицию *свое – чужое*»** характеризуются паремиологические единицы, в которых местоименные посессивные компоненты являются средством вербализации универсальной оппозиции *свое – чужое*. Данная глава состоит из двух разделов (**5.1 «Варианты вербализации оппозиции в паремиях с местоимениями-посессивами»**; **5.2 «Функционально-семантические особенности паремий с оппозитивной структурой»**) и посвящена описанию структурных и функционально-семантических особенностей реализации дихотомии *свое – чужое* в паремиях с МПК.

В процессе осмысления человеком мира и себя в нем одной из самых важных операций является деление окружающего (и окружающих) на *свое* и *чужое*. Оппозиция *свое – чужое*, представляющая собой одно из фундаментальных базовых противопоставлений, имеет отражение в языке, репрезентируется разными языковыми единицами. В паремиях с МПК оппозиция *свое – чужое* находит прямое выражение, так как местоимения-посессивы являются языковыми единицами, предназначенными для обозначения этих посессивных сфер.

В русских паремиях с МПК представлены разные варианты оформления оппозиции *свое – чужое*: ВПМ – *чужой* (наиболее активно); ЛПМ – *чужой* (*мой / наш – чужой; твой / ваш – чужой*); ЛПМ – ВПМ (*мой / наш – свой*); ВПМ – ЛПМ (*свой – твой / ваш*); ЛПМ – ЛПМ (*мой / наш – твой / ваш*); ЛПМ (ВПМ) – ПМ *чей* (*наш – чей; твой – чей; свой – чей*); ПМ – ПМ с отрицанием (*мой – не мой; наш – не наш; твой – не твой; свой – не свой*).

Различными являются мотивы обращения к оппозиции, отраженные в паремиях с МПК: выражение предпочтения своего чужому или (реже) чужого своему; установление отношений обусловленности своего и чужого; характеристика чужого через свое и своего через чужое.

В целом ряде паремиологических единиц свое и чужое рассматриваются в аксиологическом плане, выражается предпочтение одной из этих посессивных характеристик. В большинстве случаев в таких паремиях выражается предпочтение своего чужому, выбор в пользу обладания или пользования своей, а не чужой собственностью, эмоциональная привязанность, склонность к своему, родному, близкому: *Свой ум лучше чужого; Своя корка слаще чужого карая; Чужое и хорошее постыло, а своё и худое да мило; Свое хоть не мыто, да бело, а чужое хоть мыто, да грязно*. Выбор, представленный в паремиях, может осуществляться между однородными предметами, отличающимися друг от друга только принадлежностью разным лицам, и между неоднородными предметами, относящимися, как правило, к одному логико-понятийному ряду. В последнем случае предмет, в пользу которого осуществляется выбор, является качественно или количественно худшим, но предпочитаемым, так как сопровождается «компенсирующим» признаком «свой», означающим эмоциональную привязанность к своему и / или факт реального обладания материальной собственностью (в отличие от недоступного, нереального чужого). Признак «чужой» при этом характеризуется как «девальвирующий». Такие инвертированные выражения широко представлены среди паремий, репрезентирующих оппозицию *свое – чужое*: *Своя печаль чужой радости дороже; Свой дурак дороже чужого умника; Лучшие свое плохое, чем доброе чужое; Свой черный хлеб лучше чужих пирогов*.

Механизм выбора между своим и чужим, представленный в паремиях, срабатывает не всегда одинаково. В некоторых ПЕ выражается предпочтение чужого своему, при этом ценностное сравнение, как правило, касается объектов одного класса, но различающихся по своей принадлежности: *Чужая жена всегда лучше своей; Чужой муж мил, да не жить мне с ним, а свой постыл – волочиться с ним; В чужих руках толста крома, а в своих так тонка; Ваши слова – хоть в Библию, а наши и в татарские святы не годятся*.

Мотив обращения к оппозиции во многом определяет структурно-семантическую организацию паремии: выражение предпочтения одной из посессивных характеристик реализуется в компаративных структурах и сложных предложениях с противительно-сопоставительными отношениями.

Реализация дихотомии *свое – чужое* в паремиях с МПК может также осуществляться через установление в ПЕ отношений обусловленности: *За чужим погонишься – свое потеряешь; Чужого не возьмешь, так и своего не отдашь; Своего ума нет – чужим не проживёшь*. Такого рода паремии имеют

структуру бессоюзного сложного или сложноподчиненного предложения с условно-следственными или причинно-следственными отношениями между частями.

Характеризация чужого через свое и своего через чужое осуществляется в паремиях со значением антитожества: *Свой дом – не чужой: из него не уйдешь; Чужой рот – не свои ворота, не затворишь; Ум чужой – не свой: не прокормит.*

Отражение разных мотивов обращения к дихотомии, наличие типичных моделей паремий с оппозитивной структурой, а также разнообразие объектов категоризации *свое / чужое* (эмоционально-духовный мир человека, человек в аспекте межличностных отношений, материальные предметы, время и др.) свидетельствуют о том, что паремиологические единицы с МПК являются базисными репрезентантами оппозиции «свое – чужое».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

1. Исследование паремий в среде, формируемой единицами, объединенными общностью паремийного компонента, позволяет увидеть закономерности, характерные для данной среды, функционально-семантическое и коммуникативно-прагматическое своеобразие относящихся к ней паремиологических единиц. К типичным для русского паремийника компонентам, участвующим в организации значительного фрагмента провербиального пространства, относятся местоименные посессивные компоненты, представляющие собой субстантивные сочетания с притяжательным местоимением в грамматически зависимой позиции или посессивы-субстантиваты [1; 10; 11; 13; 17; 20; 22].

2. Роль местоимений-посессивов в паремиях определяется, прежде всего, общими свойствами разряда, к которому принадлежат местоименные слова. Посессив в паремии, как и в системе языка в целом, служит синтетическим средством выражения двух элементов значения – лица и отношения к нему. В паремиологической единице любой посессив относится к обобщенно-личному антецеденту, однако степень обобщенности для отдельных притяжательных местоимений характеризуется по-разному. Более высокой она является у «исходного» местоимения данного разряда *чей*, у возвратно-притяжательного местоимения *свой*, не ограниченного соотносительностью с субъектом определенного лица, и у лично-притяжательного местоимения *наш*, которое соотносится в паремиях с так называемым «коллективным» посессором.

Функциональное предназначение притяжательных местоимений заключается в том, что они, являясь дейктическими единицами, служат

средством референции, причем в паремиях часто не называется кореферентное посессиву имя. Несмотря на семантику обобщенности, присущую паремии в целом, посессивы индивидуализируют имя, при котором употребляются, то есть выполняют идентифицирующую функцию. Для лично-притяжательных местоимений характерна также дифференцирующая функция, которая основывается на присущей этим посессивам категории лица. ЛПМ 1 и 2 лица указывают на говорящего и собеседника – лицо или персонификацию. Отношения возвратно-притяжательного местоимения с контекстом и референтами сложнее. Этот посессив может относиться к говорящему, к собеседнику, а также к иному, обозначенному в контексте, кореферентному имени, в качестве которого может выступать также номинация предмета.

Местоименные посессивные компоненты выступают в русских паремиях в качестве основного средства выражения посессивных отношений, составляющих сущность универсальной категории посессивности. В паремиологических единицах с местоименным посессивным компонентом выражаются: 1) собственно посессивные отношения (обладание в сфере имущественных отношений и физиологических категорий) и 2) несобственно посессивные отношения, представленные в паремийнике а) релятивно-посессивными (обладание в сфере межличностных отношений); б) квалификативно-посессивными (обладание в сфере ментальных категорий) и в) субъектно-посессивными отношениями. Значение МПК зависит от взаимодействия имени, к которому относится посессив, и контекста, причем в разных по семантике посессивных компонентах тот или иной аспект выходит на первый план. Несмотря на разнообразие валентностных связей, в паремиях наблюдается преимущественная сочетаемость притяжательных местоимений с существительными определенных тематических групп (с номинациями частей тела человека; материальных объектов, представляющих сферу быта; лиц, связанных с посессором разного рода межличностными отношениями; физиологических, психических и интеллектуальных характеристик человека). Основная функция паремийных МПК заключается в образной конкретизации представлений о ценностных объектах [1; 5; 10; 11; 13; 14; 15; 16; 21; 23; 24].

3. Функциональная специализация паремиологических единиц с местоименным посессивным компонентом заключается в том, что прагматический потенциал данных паремий характеризуется определенным набором типичных функций, детерминированных составом МПК. К числу функций, типичных для паремий с МПК, относятся сетование, осуждение, оправдание (самооправдание), угроза, предупреждение, урезонивание, уничтожение, одобрение, выражение позитивного ожидания. Для паремий с ЛПМ 1 лица и паремий с ВПМ, ориентированных преимущественно на сферу своего, характерен одинаковый набор функций с преобладанием функции сетования

у первых и функции одобрения у вторых. Для паремий с ЛПМ 2 лица, ориентированных на сферу чужого, характерны функции урезонивания, уничижения, угрозы. Для паремий с посессивом *чей* наиболее типичной является констатирующая функция. Функциональная специализация паремиологических единиц с МПК не противоречит их полифункциональности [3; 6; 9; 19; 21].

4. Фрагмент проverbsиального пространства, формируемый паремиями с местоименным посессивным компонентом, характеризуется типичными для него структурно-семантическими моделями организации паремиологических единиц. Это модели со значением дистрибутивной посессивности; модели со значением релятивной посессивности; модели организации паремий, в которых реализуется оппозиция «свое – чужое». Для оформления релятивно-посессивных отношений в паремиях используется преимущественно посессив *наш*, обнаруживающий широкую сочетаемость с номинациями лиц (в том числе с антропонимами). Значение дистрибутивной посессивности, активно представленное в паремийнике русского языка, передается посредством возвратно-притяжательного местоимения *свой* [3; 4; 7; 8; 18].

5. Местоимения-посессивы являются средством выражения в паремиях универсальной оппозиции «свое – чужое», причем в ПЕ с притяжательными местоимениями представлены разные варианты вербализации данной дихотомии. Под категоризацию *свое / чужое* в паремийнике попадают разные объекты: эмоционально-духовный мир человека, человек в аспекте межличностных отношений, материальные предметы, время и др. Различными могут быть и мотивы обращения к дихотомии, компоненты которой вербализуются посредством местоимений-посессивов. Это может быть рассмотрение своего и чужого в аксиологическом плане, выражение предпочтения одной из этих посессивных характеристик; установление отношений обусловленности своего и чужого; характеристика чужого через свое и своего через чужое. Мотив обращения к оппозиции во многом определяет структурно-семантическую организацию паремии: выражение предпочтения одной из посессивных характеристик реализуется в компаративных структурах и сложных предложениях с противительно-сопоставительными отношениями; установление отношений обусловленности своего и чужого – в сложных предложениях с причинно-следственными и условно-следственными отношениями; характеристика чужого через свое и своего через чужое – в паремиях со значением мнимого тождества [2; 3; 10; 12].

Рекомендации по практическому использованию результатов

Полученные результаты могут быть использованы при дальнейшем исследовании обширной проблематики функционально-семантической и

коммуникативно-прагматической специфики паремиологических единиц; при составлении учебных пособий, направленных, в частности, на использование в процессе преподавания русского языка как иностранного; в лексикографической практике. Материалы диссертационного исследования найдут применение в вузовских курсах по лексикологии и фразеологии, фольклористике, литературоведению, лингвострановедению, в спецкурсах по языку фольклора, семантике и прагматике, лингвокультурологии и этнолингвистике.

Паремиологический материал, представленный в приложениях к диссертации, может быть опубликован в виде словаря; в настоящее время размещен на сайте кафедры русского, общего и славянского языкознания УО «ГГУ им. Ф. Скорины» (<http://russchair-gomel.ucoz.org>) и используется в преподавании лингвистических дисциплин для студентов-филологов.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в рецензируемых периодических изданиях

1. Гомонова, И.Г. Об особенностях употребления посессива *свой* в русских паремиях / И.Г. Гомонова // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. № 1 (22). 2004 г. – С. 21-24.

2. Гомонова, И.Г. Свой сухарь лучше чужих пирогов? (выражение предпочтения своего или чужого в паремиях) / И.Г. Гомонова // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. № 2 (13). – Мазыр: УА “МДПУ”, 2005. – С. 75-79.

3. Гомонова, И.Г. Частные аспекты универсальной оппозиции *свое – чужое* в русских паремиях / И.Г. Гомонова // Веснік ГрДУ імя Я. Купалы. Серыя 3. Філалогія, педагогіка. № 3 (40), 2006. – С. 34-38.

4. Гомонова, И.Г. О типовых моделях организации смысла паремий с посессивными комплексами / И.Г. Гомонова // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. № 2 (59). 2010 г. – С. 133-137.

Статьи в сборниках научных трудов

5. Гомонова, И.Г. Выражение межличностных отношений в паремическом тексте (на материале конструкций с притяжательными местоимениями) / И.Г. Гомонова // Слово в культуре: Сб. науч. ст. В 2 ч. – Ч.1. – Гомель: УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2004. – С. 115-119.

6. Гомонова, И.Г. Русские и белорусские паремии-сетования с посессивом *наш* / И.Г. Гомонова // Традыцыі матэрыяльнай і духоўнай культуры Усходняга Палесся: праблемы вывучэння і захавання ў постчарнобыльскі час: Зборнік навуковых артыкулаў. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2006. – С. 310-314.

7. Гомонова, И.Г. Образные паремии с посессивом *свой* в дистрибутивном значении / И.Г. Гомонова // «VIII Міжнародныя навуковыя чытанні, прысвечаныя Сцяпану Некрашэвічу», Міжнародная навук. канф. (2007, Гомель): [Зборнік навуковых артыкулаў]: У 2 ч. Ч.2 / рэдкал.: А.А. Станкевіч [і інш.]. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2007. – С. 34-36.

8. Гомонова, И.Г. Паремии с дистрибутивом *свой* как фрагмент провербиального пространства / И.Г. Гомонова // Фразеология = Phraseology: сб. науч. ст. – В.1 / Под ред. Е.Е. Иванова. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2008. – С.116-129.

9. Гомонова, И.Г. Паремии со значением позитивного ожидания (на материале пословиц и поговорок с местоимениями-посессивами) / И.Г. Гомонова // Текст. Язык. Человек: сборник научных трудов: в 2 ч. / редкол.: С.Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь: УО «МГПУ им. И.П. Шамякина», 2009. – Ч.2. – С.14-16.

10. Гомонова, И.Г. Интенсификация позитивного отношения к «своему» в русских и белорусских паремиях / И.Г. Гомонова // Традыцыі матэрыяльнай і духоўнай культуры Усходняга Палесся: праблемы вывучэння і захавання ў постчарнобыльскі час: Зборнік навуковых прац / рэдкал.: А.А. Станкевіч (гал. рэд.), [і інш.]. – Гомель: УА «ГДУ імя Ф. Скарыны», 2009. – С. 37-39.

11. Гомонова, И.Г. Исследование паремиологических единиц с использованием материалов Национального корпуса русского языка / И.Г. Гомонова // Компьютерная лингвистика: научное направление и учебная дисциплина: сборник научных статей. Вып.1 / В.И.Коваль (ответств. ред.) [и др.]; М-во образования РБ, ГГУ им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2010. – С.108-112.

12. Гомонова, И.Г. Паремии как средство отражения представлений о «своем» и «чужом» в художественном тексте / И.Г. Гомонова // Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре: сборник научных трудов. Вып.3 / Т.Н. Усольцева (глав. ред.) [и др.]; М-во образования РБ, ГГУ им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2011. – С.198-201.

13. Гомонова, И.Г. Паремия в корпусе текстов / И.Г. Гомонова // Славянская фразеология в синхронии и диахронии: сб. науч. статей. Вып. 1 / М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины / редкол.: В.И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2011. – С.173-176.

Материалы конференций

14. Гомонова, И.Г. О содержании концептов *своя воля/ своя доля* в русских паремиях / И.Г. Гомонова // Проблемы ўсходнеславянскай этналінгвістыкі: Матэрыялы I міжнар. навук. канф. (Мінск, 25-26 красавіка 2003 г.). – Мн.: УП «Тэхнапрынт», 2003. – С. 107-111.

15. Гомонова, И.Г. Фразеологизмы в составе паремий (на примере сочетаний *наш брат, ваш брат, свой брат*) / И.Г. Гомонова // Славянская

фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах: Материалы III Междунар. науч. конф. (Гомель, 7-8 октября 2003 г.). – Гомель, 2003. – С. 155-159.

16. Гомонова, И.Г. Посессивные словосочетания с антропонимами в русских и белорусских паремиях / И.Г. Гомонова // Рэгіянальныя асаблівасці фальклору і літаратуры славянскіх народаў: Матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Гомель, 23-24 красавіка 2004 г.). – Гомель, 2004. – С. 193-198.

17. Гомонова, И.Г. Посессивность в паремиях: значение и функции местоимения *чей* / И.Г. Гомонова // Русский язык: система и функционирование: Материалы Междунар. науч. конф. (Минск, 18-19 мая 2004 г.). В 2 ч. – Ч.2. – Мн., 2004. – С. 77-80.

18. Гомонова, И.Г. На всякого Егорку своя поговорка (паремии с компонентом *свой* в дистрибутивной функции) / И.Г. Гомонова // Тураўскія чытанні: Матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практыч. канф. (Гомель, 4 верасня 2004г.). – Гомель: УА “ГДУ імя Ф. Скарыны”, 2005. – С. 113-117.

19. Гомонова, И.Г. *На твою спесь пословица есть* (прагматическая специфика паремий с местоимениями *твой/ваши*) / И.Г. Гомонова // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах: Материалы IV Междунар. науч. конф. (Гомель, 5-6 октября 2005 г.). – Гомель: УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2005. – С. 154-157.

20. Гомонова, И.Г. *Язык мой – враг мой* (отношения тождества в русских и белорусских паремиях с корреляцией посессивов) / И.Г. Гомонова // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин: Материалы III Междунар. науч. конф. (Мозырь, 12-13 мая 2005 г.). В 2 ч. – Ч.1. – Мозырь: УО «МГПУ», 2005. – С. 39-40.

21. Гомонова, И.Г. Textoобразующие функции посессива *мой* в русских паремиях / И.Г. Гомонова // Русский язык: система и функционирование: Материалы Междунар. науч. конф. (Минск, 6-7 апреля 2006г.). В 2 ч. – Ч.1. – Мн.: “РИВШ”, 2006. – С. 286-289.

22. Гомонова, И.Г. Отражение обусловленности принадлежностных отношений в паремическом тексте / И.Г. Гомонова // Сучасны стан і дынаміка норм беларускай літаратурнай мовы. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі. Мінск. 24-25 кастрычніка 2006г. / Інстытут мовазнаўства імя Я.Коласа НАН Беларусі. – Мінск: Права і эканоміка, 2006. – С. 149-152.

23. Гомонова, И.Г. Русские и белорусские паремии о *своем* хорошем / И.Г. Гомонова // Материалы XXXVI Междунар. филологич. конф., 12-17 марта 2007 г. Вып. 19. Фразеология в тексте и словаре. – СПб.: Изд-во СПб.ун-та, 2007. – С. 12-17.

24. Гомонова, И.Г. Устойчивые выражения о дальнем и мнимом родстве / И.Г. Гомонова // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах: Материалы V Междунар. науч. конф. (Гомель, 22-23 октября 2007 г.). – Гомель: УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2007. – С. 189-193.

РЕЗЮМЕ

Гомонова Инна Геннадьевна

Семантика и прагматика русских паремий с местоименным посессивным компонентом

Ключевые слова: паремия, паремиологическая единица, местоимение, посессив, местоименный посессивный компонент, семантика, прагматика, функция, функционально-прагматический тип.

Цель исследования – выявить функционально-семантические и коммуникативно-прагматические особенности русских паремий с местоименным посессивным компонентом и определить роль местоимений-посессивов в формировании семантической структуры и детерминировании прагматической направленности паремий.

Методы исследования: метод лингвистического описания, включающий в себя приемы наблюдения, интерпретации и обобщения, методы дискурсивного анализа, включающие приемы корпусной лингвистики, и методы контекстуально-семантического анализа.

Полученные результаты и их новизна. Впервые комплексно исследуется фрагмент русского паремиологического пространства, формируемый паремиями с местоименным посессивным компонентом; определяются отраженные в паремиологических единицах с местоимениями-посессивами и обусловленные отношениями посессивности стереотипы осмысления объектов реальной действительности; выявляются характерные для таких паремий структурно-семантические модели; определяются основные функциональные типы паремий с местоименным посессивным компонентом; раскрывается их прагматический потенциал.

Рекомендации по использованию полученных результатов. Полученные результаты могут быть использованы при дальнейшем исследовании обширной проблематики семантической и функциональной специфики паремиологических единиц; при составлении учебных пособий, направленных, в частности, на использование в процессе преподавания русского языка как иностранного; в лексикографической практике. Материалы диссертационного исследования могут найти применение в вузовских курсах лексикологии и фразеологии, фольклористики, литературоведения, лингвострановедения, в спецкурсах по языку фольклора, семантике и прагматике, лингвокультурологии и этнолингвистике.

Область применения: языкознание (лексикология, фразеология, семантика, прагматика, лингвокультурология, этнолингвистика), литературоведение, фольклористика.

РЭЗІЮМЭ

Гоманава Іна Генадзьеўна

Семантыка і прагматыка рускіх парэмій з займеннікавым пасесіўным кампанентам

Ключавыя словы: парэмія, парэміялагічная адзінка, займеннік, пасесіў, займеннікавы пасесіўны кампанент, семантыка, прагматыка, функцыя, функцыянальна-прагматычны тып.

Мэта даследавання – выявіць функцыянальна-семантычныя і камунікатыўна-прагматычныя асаблівасці рускіх парэмій з займеннікавым пасесіўным кампанентам і вызначыць ролю займеннікаў-пасесіваў у фарміраванні семантычнай структуры і дэтэрмінаванні прагматычнай накіраванасці парэмій.

Метады даследавання: метады лінгвістычнага апісання, які ўключае прыёмы назірання, інтэрпрэтацыі і абагульнення, метады дыскурсіўнага аналізу, якія ўключаюць прыёмы корпуснай лінгвістыкі, і метады кантэкстуальна-семантычнага аналізу.

Атрыманыя вынікі і іх навізна. Упершыню комплексна даследуецца фрагмент рускай парэміялагічнай прасторы, які фарміруецца парэміямі з займеннікавым пасесіўным кампанентам; вызначаюцца адлюстраваныя ў парэміялагічных адзінках з займеннікамі-пасесівамі і абумоўленыя адносінамі пасесіўнасці стэрэатыпы асэнсавання аб'ектаў рэальнай рэчаіснасці; выяўляюцца характэрныя для такіх парэмій структурна-семантычныя мадэлі; вызначаюцца асноўныя функцыянальныя тыпы парэмій з займеннікавым пасесіўным кампанентам; раскрываецца іх прагматычны патэнцыял.

Рэкамендацыі па выкарыстанні атрыманых вынікаў. Атрыманыя вынікі могуць быць выкарыстаны пры далейшым даследаванні шырокай праблематыкі семантычнай і функцыянальнай спецыфікі парэміялагічных адзінак; пры складанні вучэбных дапаможнікаў, накіраваных, у прыватнасці, на выкарыстанне ў працэсе выкладання рускай мовы як замежнай; у лексікаграфічнай практыцы. Матэрыялы дысертацыйнага даследавання могуць знайсці прымяненне ў курсах лексікалогіі і фразеалогіі, фалькларыстыкі, літаратуразнаўства, лінгвакраіназнаўства, у спецкурсах па мове фальклору, семантыцы і прагматыцы, лінгвакультуралогіі і этналінгвістыцы.

Галіна выкарыстання: мовазнаўства (лексікалогія, фразеалогія, семантыка, прагматыка, лінгвакультуралогія, этналінгвістыка), літаратуразнаўства, фалькларыстыка.

SUMMARY

Inna G. Gomonova

Semantics and pragmatics of Russian proverbs with the pronoun possessive component

Key words: proverb, paremiological unit, pronoun, possessive, pronoun possessive component, semantics, pragmatics, function, functionally-pragmatic type.

The aim of the research is to identify functionally-semantic and communicative-pragmatic features of Russian proverbs with the pronoun possessive component and define the role of possessives in the formation of the semantic structure and the determination of the pragmatic orientation of proverbs.

The methods of research: method of linguistic description, which includes the techniques of observation, interpretation and generalization, methods of discourse analysis, including methods of corpus linguistics, methods of contextually-semantic analysis.

The results obtained and their novelty. For the first time the fragment of the Russian paremiological field formed by proverbs with the pronoun possessive component is fully studied; stereotypes of comprehension of objects of reality, reflected in paremiological units with possessive pronouns and determined by relations of possession, are identified; structural-semantic models characteristic of such proverbs are singled out; the main functional types of proverbs with the pronoun possessive component are defined; their pragmatic potential is revealed.

Recommendations on the use of the results obtained. The results obtained can be used in further studies of the wide problem field of the semantic and functional peculiarities of paremiological units; in compiling textbooks aimed, in particular, at the use in the process of teaching Russian as a foreign language; in lexicographical practice. The materials of the thesis can be used in courses of lexicology and phraseology, folklore studies, literature studies, culture-oriented linguistics, in special courses in the language of folklore, semantics and pragmatics, lingvoculturology and ethnolinguistics at higher educational establishments.

Spheres of application: linguistics (lexicology, phraseology, semantics, pragmatics, lingvoculturology, ethnolinguistics), literature studies, folklore studies.